

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-780-796

EDN: AGIUI

Основные компоненты социологического изучения счастья*

И.В. Троцук^{1,2}, А.Е. Калуга³

¹Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

²Высшая школа экономики,
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия

³ООО «Ипсос Комкон»,
ул. Красносельская Верхняя, 3, стр.2, Москва, 107140, Россия

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru; kalugasashar2324@gmail.com)

Аннотация. Поиски ответов на вопрос о том, что такое счастье и что для него необходимо, начались в глубокой древности, но однозначных ответов на эти вопросы все еще нет. Уже античные философы разработали первые концепции счастья, связывая его с добродетелью, отсутствием страданий и жизнью в соответствии с разумом, — эти идеи в той или иной мере разделяются до сих пор, но не считаются достаточными основаниями для современной трактовки и обретения счастья. Первые попытки социальных обследований по проблематике счастья относятся к середине XX века, когда оформилось понятие «субъективное благополучие» как своего рода «приземленный» аналог значительно более эфемерного счастья — сочетание удовлетворенности жизнью с преобладанием положительных эмоций. Постепенно сложилось предметное поле множества наук в изучении счастья, в частности социология сосредоточилась на социальных его факторах (поддержка и доверие), а экономика — на взаимосвязи экономических показателей и субъективного благополучия. Репрезентативные общенациональные и международные исследования счастья проводятся крупнейшими социологическими организациями. В России цель таких «измерений» — оценка уровня счастья в контексте характеристики благополучия населения, в том числе для международных сопоставлений, выявления факторов, влияющих на ощущение счастья и социальное благополучие, и разработки мер государственной политики. В последние десятилетия и государство стало проявлять озабоченность уровнем счастья, признавая ограниченность экономических показателей и демонстрируя рост интереса к менее «количественным» индикаторам качества жизни. В статье обозначены основные на сегодняшний день компоненты социологического изучения счастья (поиски концептуального определения в междисциплинарном контексте; специфика эмпирической интерпретации и методики измерения; факторы, определяющие уровень и «качество» счастья), а также некоторые изменения, наметившиеся в их использовании и/или восприятии.

*© Троцук И.В., Калуга А.Е., 2025

Статья поступила в редакцию 10.03.2025. Статья принята к публикации 17.06.2025.

Ключевые слова: счастье; субъективное благополучие; социальное благополучие; уровень счастья; качество жизни; концептуальное определение; эмпирическая интерпретация; методики измерения; факторы и агенты счастья

Для цитирования: Троцук, И.В., Калуга А.Е. Основные компоненты социологического изучения счастья // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 3. С. 780–796. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-780-796>

Междисциплинарное концептуальное определение

Счастье как достаточно абстрактное понятие долгое время было исследовательской прерогативой философских и религиозных теорий. Философские трактовки варьируют от эпикурейского/гедонистического понимания счастья как состояния удовольствия и избегания страданий до аристотелианского/эвдемонического подхода, рассматривающего счастье как «разумное процветание» — через реализацию своего потенциала, стоический акцент на внутреннем спокойствии и утилитаристский принцип «наибольшего блага для наибольшего числа людей» [14; 34]. Религиозные взгляды связывают счастье с духовностью: в христианстве — это следование заповедям, добродетельная и деятельная честная жизнь, в исламе — покорность божьей воле и соблюдение принципов шариата, в буддизме — освобождение от страданий через медитацию и осознанность. Одни религии считают возможным достижение счастья в земной жизни, другие — лишь в загробном мире, но все сходятся в том, что истинное счастье обретается через истинную веру и преданное следование ее предписаниям. Ключевые элементы этого пути — соблюдение божественных заповедей, забота о ближних и непрерывное стремление к личностному (духовному) росту и деятельному улучшению мира [26; 37].

В последние десятилетия (со второй половины XX века) счастье активно изучается разными дисциплинами: психология исследует субъективное благополучие и факторы личностно трактуемого счастья, социология — более объективные социальные детерминанты счастья, экономика — связь экономического благосостояния (материального достатка и других возможностей) со счастьем, нейронаука — роль нейронных процессов в переживании счастья и т.д. [39]. Междисциплинарный интерес объясняется растущим пониманием важности субъективного благополучия для индивида и общества в целом, а также разработкой все новых «инструментов» для оценки счастья (шкала удовлетворенности жизнью, шкала субъективного счастья, всемирный индекс счастья, индекс удовлетворенности жизнью и др.). Во-первых, счастье, или субъективное благополучие, признается центральным индикатором качества жизни, оказывающим влияние на психическое и физическое здоровье, продуктивность деятельности и продолжительность жизни [57]. Во-вторых, философские рассуждения о природе счастья требуют эмпирической верификации и практического развития, что требует приме-

нения строгих научных методов [30]. В-третьих, счастье оказывает влияние на социально-экономическую и управленческую сферы, определяя экономическое поведение, политические предпочтения, общественную активность и уровень кооперации. И, наконец, новые подходы (нейровизуализация, поведенческая экономика, большие данные) предоставляют беспрецедентные возможности для изучения феномена счастья в его индивидуальных и социальных проявлениях [3].

Счастье, как и многие другие содержательно насыщенные понятия, по сути, стало всеобъемлющим, «зонтичным» термином, включив в себя широкий спектр критериев для оценки разных аспектов социальной жизни. Акцент на отдельных компонентах и факторах счастья, как правило, зависит от позиции оценивающего: так, с точки зрения непосредственного участника повседневной жизни мы стремимся к счастью в обществе, которое способствует или препятствует этому, предлагая/допуская конкретные способы достижения счастья. В то же время представители других «жизненных миров» (в шюцевской трактовке — науки, политики, управления) стараются абстрагироваться от обыденных представлений о счастье, чтобы разработать систему объективных эмпирических индикаторов для оценки уровня и тенденций изменения «счастливости» общества.

Разные дисциплины подходят к изучению счастья, используя специфические инструменты и методы, — их подбор зависит от особенностей концептуального определения счастья. Так, психологию интересуют факторы, формирующие переживание счастья (черты характера, отношения с другими людьми, мотивация и эмоциональная компетентность) [47]. Экономика исследует взаимосвязь между счастьем и экономическими показателями (уровень дохода, занятость, инфляция и неравенство), стремясь разработать «рецепты» повышения благосостояния общества, политология — взаимосвязь между уровнем счастья и политическими институтами, государственной политикой и вовлеченностью граждан в политическую жизнь [51]. Медицина и здравоохранение сосредоточены на воздействии ощущения счастья на физическое здоровье, продолжительность жизни, выздоровление и общее самочувствие [41]. Философия продолжает заниматься осмыслением природы счастья, его ценности и места в человеческом бытии [43].

Несмотря на широкое распространение понятия счастья в научном дискурсе, отсутствует его общепринятое определение — в экономике, социологии и психологии его зачастую используют как синоним социального/субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью [23]. Поэтому традиционная оценка эффективности государственного управления, опирающаяся исключительно на экономические индикаторы вроде роста ВВП, все чаще дополняется показателями, отражающими субъективное благополучие (удовлетворенность работой и доходами, доступность качественного медицинского обслуживания и образования, эколо-

гическая ситуация, возможность проводить время с семьей и друзьями, реализовывать свой потенциал и др.). Для комплексной оценки благосостояния граждан используются разные системы измерений: например, в международном индексе счастья основные показатели — ожидаемая продолжительность жизни, субъективное ощущение счастья, неравенство доходов и экологический след [19]; в «валовом национальном счастье» — психологическое благополучие, состояние здоровья, использование времени, уровень образования, культурное разнообразие, «хорошее управление», жизнеспособность сообществ и экологическая жизнестойкость [31]; в глобальном индексе благополучия — материальный достаток (и обеспечиваемые им возможности), состояние здоровья, уровень безопасности, свобода выбора и социальные отношения [9].

Счастье — категория, глубоко укорененная в философской традиции, но разнообразные трактовки счастья можно встретить в фольклоре практически всех народов мира (например, в русских пословицах и поговорках — «не в деньгах счастье», «счастье не в пирогах», «счастье у каждого свое» [5]), они отражены в литературе и искусстве. В обыденной речи понятие счастья обычно используется для обозначения наивысшего уровня благополучия, полного удовлетворения жизнью, кульминации позитивных эмоций, наивысшей точки духовного развития [29]. Философские концепции — теоретическая основа для социологического анализа, задающие его ключевые категории и направления эмпирических поисков, в свою очередь социологические данные «верифицируют» и уточняют философские теории, раскрывая социальную обусловленность и «контексты» счастья. Психологические исследования рассматривают счастье как мимолетную, но сильную позитивную эмоцию, как устойчивый позитивный эмоциональный фон или как эквивалент субъективного благополучия [55]. Одни исследователи фокусируются на эмоциональной составляющей счастья как компоненте субъективного благополучия, другие практически отождествляют счастье с ощущением полной удовлетворенности жизнью. В этом смысле хотя активные междисциплинарные исследования субъективного благополучия начались относительно недавно (около пятидесяти лет назад), поиски счастья занимают человечество на протяжении всей его истории: содержательное наполнение понятия «счастье» менялось, но неизменным оставалось стремление к благополучию/счастью как недостижимому (в полной мере или на постоянной основе) идеалу [11].

Вследствие широкого употребления в повседневной жизни и содержательной размытости понятие «счастье» может легко привести к подмене задач научного анализа морально-философскими или этическими поисками. Чтобы избежать такой подмены, в социальных науках, особенно в эмпирических исследованиях, предпочтение отдается таким «эквивалентам» счастья с «осязаемой» системой индикаторов, как удовлетворенность жизнью

и (субъективное) благополучие, поскольку они легче поддаются операционализации. В результате понятие счастья оказалось на периферии социальной теории, будучи заменено разнородными синонимами [12].

Специфика эмпирической интерпретации

Первоначально интерес социальных мыслителей к понятию «счастье» был обусловлен осознанием важности эмоций как фактора, влияющего на социальные процессы, что особенно ярко проявилось в «субъективистской» социологии на рубеже XIX–XX веков, акцентировавшей роль индивидуальных переживаний, мотивов и ценностей как определяющих факторов социального поведения. Однако и более ранние работы были посвящены эмоциям и их потенциальному воздействию на социальный порядок: так, Г. Лебон утверждал, что счастье не обладает той объединяющей силой, что негативные эмоции, способные спланировать общество для разрушительных целей [22]; М. Вебер выделял «аффективный» тип социального действия [4]; Г. Зиммель рассматривал счастье не столько как индивидуальное чувство, сколько как элемент, взаимодействующий с аналогичными переживаниями других людей и формирующий общий эмоциональный фон/климат общества [8]. Для Э. Дюркгейма как противника психологизма эмоции — не индивидуальные психологические состояния, а коллективные явления, возникающие в ходе социальных ритуалов и церемоний [10; 13], поэтому индивидуальное чувство счастья — производное от участия в коллективной жизни и следования социальным нормам. Позже среди последователей Дюркгейма наметился поворот/возврат к психологизму, поскольку понимание социальных процессов невозможно без учета индивидуального опыта и мотиваций, а эмоции играют важную роль в формировании социальных связей и идентичности (влияют на макросоциальные процессы и отношения). В середине XX века Р. Коллинз объединил макро- (социальный строй, конфликты и расслоение) и микро- (эмоции, в частности ощущение счастья) уровни, полагая, что индивидуальное стремление к счастью и социальная солидарность — объединяющие силы общества [20].

Обобщая подходы к определению счастья, можно выделить несколько ключевых принципов его эмпирического изучения:

- Множество факторов влияют на общее (индивидуальное и коллективное) ощущение счастья. Одни исследователи связывают счастье с уровнем жизни (считается, что более высокий уровень жизни соответствует более высокому уровню субъективно оцениваемого благополучия), другие — с успешностью социальных сравнений [2].
- Счастье — это субъективное благополучие, т.е. обязательный компонент общей оценки жизни. В такой интерпретации благополучие состоит из конкретных удовольствий и удовлетворенных потребностей, но амбивалентно: позитивные и негативные аспекты в нем могут спокойно/гармо-

нично сосуществовать [12] (например, человек счастлив в браке, несмотря на разногласия, или любит работу, связанную с высоким уровнем стресса).

- Уровень счастья социальной группы/сообщества/общества зависит от удовлетворенности в разных сферах жизни, которые могут быть выстроены в иерархию в зависимости от доминирующих социальных ценностей (например, личные сферы — семья и здоровье — могут быть выше/ниже по значимости публичных сфер — карьеры и статуса). Иерархия ценностей и соответствующая детерминация счастья зависят от культурных особенностей, экономических условий и политической системы (считается, что в индивидуалистических обществах большее значение придается личному успеху и самореализации, а в коллективистских — общественному благу и гармонии интересов). Важным фактором счастья выступает наличие перспектив на будущее (кратко-, средне- и долгосрочных), которые более чувствительны к изменениям в обществе, чем декларируемый в ходе опросов «уровень счастья».

Самооценки — достаточно надежный инструмент измерения счастья [40], если корректно контекстуализированы объективными (макро-, мезо- и микро-) факторами. Задача социологии — эмпирический анализ счастья на основе данных, которые получены от респондентов/информантов, живущих в конкретных социальных условиях. В качестве основных эмпирических индикаторов (и/или факторов) счастья используются такие показатели, как удовлетворенность жизнью, уровень дохода, семейное положение, типы/возможности досуга, уровень образования, профессиональная подготовка, сфера деятельности и занимаемая должность, качество и плотность дружеских отношений, состояние здоровья и т.д.

Социология стремится понять, как счастье (личная самооценка или ощущение) связано с реальными внешними обстоятельствами и объективными условиями жизни [27], поэтому эмпирическое определение счастья таково: доминирующее направление мыслей и чувств (индивидов и групп), обладающее социальной значимостью и соответствующее принятым в обществе нормам (эмоциональным, поведенческим, самооценочным и пр.). Это доминирующее направление проявляется в высокой степени удовлетворенности своей деятельностью, условиями и образом жизни, которые обусловлены принадлежностью к определенному обществу или социальной группе и выражаются в позитивных эмоциях (радость и др.) [16]. Данное определение не устраняет всех сложностей социологической трактовки счастья, что объясняется множественностью его концептуальных определений, поэтому в эмпирических исследованиях приходится «разбивать» счастье на более мелкие составляющие, «измерение» которых и формирует оценку (уровня) счастья. Следует помнить, что представления о счастье у человека формируются под влиянием конкретных социально-экономических, политических и социокультурных условий, и этими представлениями он руководствуется,

говоря о собственном счастье или оценивая таковое в окружающих, даже если не до конца осознает, что именно понимает под счастьем, как его понимание влияет на разные аспекты его жизни и какие действия ему необходимо предпринять, чтобы достичь или сохранить искомое состояние счастья [28]. Несмотря на данное серьезное ограничение, вклад социологии в анализ счастья заключается в применении методических решений, позволяющих «измерять» семейное (и иное) благополучие, удовлетворенность материальным состоянием, уровень душевного спокойствия и другие индикаторы счастливой жизни, а затем в объединении полученных данных в единое концептуальное целое на аналитическом уровне.

Соответственно, общепринятое социологическое определение счастья сводит его к ключевой характеристике коллективного и индивидуально-го мышления, имеющей социальную ценность и нормативный характер. Счастье проявляется в высокой степени удовлетворенности жизнью, своей профессиональной и иной деятельностью и положением в обществе, а также в конкретном (положительном) эмоциональном спектре (радость, внутреннее спокойствие, доброжелательность и т.д.). Преимущество такого определения — комбинация разных подходов (макро- и микро-, объективного и субъективного, рационального и эмоционального), что позволяет социологам претендовать на адекватную оценку роли счастья в обществе, выявление факторов, на него влияющих, и условий, необходимых для его достижения, устраняя концептуальную неоднозначность данного понятия и избегая постоянных перемен в наборе эмпирических индикаторов для измерения уровня счастья на индивидуальном и групповом уровнях.

Методики изучения и их ограничения

Центральный вопрос эмпирического изучения счастья — принципиальная возможность его измерения как такового и необходимые для этого методические решения. Выделяют два методологических подхода: однокомпонентный и интегральный. Первый предполагает оценку счастья с помощью одного или нескольких простых вопросов, часто в формате шкалы или «меню» — чтобы получить общее представление об уровне удовлетворенности жизнью или ощущении счастья в конкретный момент. Например, к преимуществам индекса счастья, разработанного ВЦИОМ [7], относят простоту, скорость и широкий охват, к недостаткам — поверхностность, неучет многогранности счастья, зависимость от сиюминутного настроения и низкую надежность [44]. Интегральный подход использует многофакторные шкалы и опросники, включающие большое количество вопросов для оценки удовлетворенности в разных сферах жизни (семья, работа, здоровье, финансы, социальные отношения, личное развитие и т.д.) [45; 56], т.е. это более точная и комплексная оценка, учитывающая различные аспекты благополучия и позволяющая выявить факторы, влияющие на счастье, что обеспечивает высокую надежность и валид-

ность результатов, но требует больших временных и ресурсных затрат и зависит от выбора факторов и субъективной интерпретации.

Для преодоления ограничений двух подходов можно сочетать опросы с построением сводных индексов. Опросные методики (самооценки) обладают внутренней согласованностью, валидностью и надежностью, но субъективность делает их уязвимыми для ситуативных факторов [54]; наблюдаются сложности с однозначной интерпретацией шкал и используемой терминологией [42], что усиливает влияние фактора социальной желательности/одобрения (частично может быть преодолено проективными методиками, но их сложно использовать в массовых опросах) [1]; неизбежны проблемы сопоставления в сравнительных исследованиях (особенно кросс-культурных) вследствие различий в социальных нормах и лингвистической неэквивалентности основных понятий [46; 48]. Сводные индексы строятся путем сбора и анализа данных из разных источников (статистические отчеты, опросы населения и др.), что формирует комплексную картину, доступную для сопоставления в разных странах; сводные индексы могут объединять множество факторов в одной метрике, что делает информацию более доступной и понятной, и показывают взаимосвязи между различными аспектами жизни и счастья, однако следует помнить о сложностях в интерпретации данных и возможных искажениях вследствие влияния социальных и культурных особенностей [18].

Подход к изучению счастья как субъективного благополучия (доминирует сегодня) можно охарактеризовать тремя особенностями: субъективистский — исходит из того, что личное переживание счастья может быть оценено только самим индивидом; фокус на непосредственном измерении позитивных аспектов жизни, а не на факте отсутствия негативных; интегральная оценка жизни, хотя возможен акцент на отдельных ее сферах (если такова цель эмпирического проекта) [23]. Например, эмпирические данные демонстрируют устойчивую корреляцию между уровнем экономического благосостояния и субъективным ощущением счастья, но динамика роста удовлетворенности жизнью не всегда коррелирует с увеличением благосостояния: согласно «парадоксу Истерлина» [49], увеличение ВВП на душу населения приводит к росту субъективного благополучия лишь до определенного порогового значения, и дальнейший рост доходов не оказывает статистически значимого влияния на уровень счастья, т.е. даже в странах с самым высоким уровнем ВВП на душу населения люди могут испытывать неудовлетворенность жизнью, несмотря на ее высокий уровень. Данный эффект объясняют «гедонистической адаптацией»: по мере роста доходов увеличиваются и притязания — после удовлетворения базовых потребностей (в пище, жилье, безопасности) на субъективное благополучие оказывает большее влияние относительный, а не абсолютный доход [40]. Иными словами, следует оценивать не абсолютное значение счастья (относительно стабильное), а дисперсию распределения счастья и определяющие ее факторы [50].

Несмотря на оправданный скептицизм научного сообщества относительно обоснованности индексного подхода (субъективность выбора показателей, сложность взвешивания акторов, возможности манипулировать данными, ограниченное отражение сложных социальных явлений, культурная обусловленность показателей) [38], эмпирические исследования показали его надежность с точки зрения стабильности результатов во времени, согласованности с другими показателями социального благополучия и способности отражать общие тенденции в развитии стран и регионов. Иными словами, для устранения большинства ограничений индексного подхода следует проводить более тщательную методическую работу при формировании вопросов/критериев измерения всех составляющих сводного индекса.

Сегодня социологам доступно множество методик изучения счастья: помимо (применяемых преимущественно в экономических целях) объективных подсчетов соотношения групп по уровню удовлетворенности жизнью и более субъективных шкал, применяемых в опросах, можно изучать счастье по личным записям с фиксацией самоощущений, например, «дневник счастья» позволяет фиксировать позитивные события, чувства и мысли в течение дня [32], «карты счастья» [52; 53] помогают визуализировать факторы, которые приносят человеку удовлетворение, и т.п. Основываясь на субъективных самооценках респондентов, полученных в системе координат, предложенной исследователем, измерения счастья неизбежно носят условный характер, поскольку система координат (эмпирических индикаторов) как результат декомпозиции социального благополучия или качества жизни ограничена в том смысле, что не может охарактеризовать все обследуемые группы. Невозможность создания универсальной и непротиворечивой «формулы счастья» объясняется воздействием как минимум двух факторов: своего рода эмерджентности — респонденты лишены предварительных критериев оценки (мы не задумываемся постоянно о том, счастливы ли мы, насколько, чем обусловлено наше счастье), формулируя их в момент интервью/заполнения опросника в конкретной ситуации (некая «импровизация»); и постоянных изменений критериев/факторов счастья под влиянием как внешних социальных сил, так и внутренних индивидуальных процессов (чувства к ближнему, самовосприятие, материальное положение, семейный статус и т.д.).

Неизменные факторы и некоторые (новые) агенты

Поскольку в рамках концептуальных определений в социологии принято выделять теоретические подходы, структурные компоненты и факторы, следует кратко остановиться на факторах счастья, которые уже были упомянуты в контексте субъективного благополучия, но сегодня требуют и «агентного» уточнения: в последние десятилетия о принципиальном интересе к счастливости граждан стало заявлять и государство. Так, в России в 2020 году идею создания министерства счастья озвучил губернатор

Камчатского края, заявив о необходимости министерства социального благополучия и семейной политики как аналога «министерства счастья», поскольку его цель — не только решение социальных проблем, но и обеспечение счастья жителей региона. Государство как ключевой социальный институт имеет возможности и обязательства по созданию условий для удовлетворения потребностей граждан в различных сферах, т.е. может влиять на факторы, способствующие (коллективному) ощущению счастья [21]. В то же время государство не должно навязывать гражданам трактовку счастья, поскольку это субъективное переживание, и каждый имеет право на собственные ценности и убеждения, в том числе в понимании счастья. Кроме того, подобное вмешательство государства может привести к обратному результату: причиной неудач многих грандиозных/громких государственных инициатив выступают чрезмерные обобщения и упрощения, а также угрозы и риски, связанные с деятельностью авторитарного государства [33].

Сегодня наблюдается тенденция формирования «политики счастья», или фелицитарной политики [15], на основе объединения экономических и социально-политических теорий с результатами эмпирических исследований [17]. Безусловно, обеспечение «счастья для всех» — труднодостижимая и даже утопичная цель [36], поскольку объективные экономические факторы, сложившаяся система социальной стратификации и конкурентная борьба в широком смысле слова оказывают более существенное влияние на субъективное восприятие счастья (по крайней мере в средне- и долгосрочной перспективе), чем любые экономические и пропагандистские кампании. В (весьма нереалистичной) перспективе концепция фелицитарной политики может привести к пересмотру принципов государственного управления, включив в них приоритет благополучия граждан, расширение их участия в принятии решений, обеспечение социальной справедливости и новые критерии оценки эффективности государства (валовое национальное счастье, уровень социальной сплоченности, качество жизни и др.) [35]. Пока же данное направление «осчастливливания» граждан в условиях ограниченных ресурсов и объективных трудностей сводится к облегчению тягот жизни самых социально уязвимых слоев [25].

Председатель Совета Федерации В.И. Матвиенко отметила необходимость федерального закона, направленного на обеспечение всеобщего счастья россиян, и выразила надежду на создание специализированного органа исполнительной власти — министерства счастья — для оценки всех принимаемых нормативно-правовых актов с точки зрения их влияния на уровень социального благополучия. Однако ее предложение поддержала лишь четверть россиян (25 %), 23 % сочли идею стоящей, а каждый пятый затруднился ответить на соответствующий вопрос (21 %). Основным аргументом в пользу учреждения такого министерства стала неудовлетворенность жизнью значительной части населения (29 % сторонников нововведения), основ-

ным контраргументом — принципиальная невозможность достижения всеобщего счастья (19 % противников инициативы), избыток чиновников и без такого министерства (16 %), бесполезность и бессмысленность таких (лишних) бюджетных трат [6]. Впрочем, и у представителей власти инициатива по созданию министерства счастья не нашла поддержки.

Приходится констатировать, что счастье остается сложным для концептуального определения и эмпирического изучения феноменом, несмотря на многочисленные исследования в рамках разных научных направлений. Наличие широкого синонимичного ряда при отсутствии четких демаркационных границ между составляющими его понятиями затрудняет эмпирическое «измерение» счастья, порождая его многочисленные сопряженные операциональные определения и пересекающиеся методические инструменты измерения. В социологии счастье рассматривается как комплексное макро-микро-явление, структурное и факторное содержание которого обусловлено взаимодействием индивидов с обществом с конкретными культурными особенностями, социальными нормами и ценностными приоритетами. Все большее смещение фокуса социологического интереса к микроуровню счастья объясняется растущим пониманием важности субъективного благополучия для индивида и общества, но социологи не забывают о влиянии объективных факторов (поддержка окружающих, уровень социального доверия, успешность механизмов социализации и социальной адаптации и т.д.). Вероятно, одна из основных новаций последнего времени в социологических (и не только) исследованиях счастья — расширение «реестра» факторов, на него воздействующих: новый «агент» (государство) стал влиять на интерпретацию и замеры счастья (в силу декларируемой заинтересованности в повышении счастья максимального количества граждан). Однако реализация «политики счастья» затруднена по объективным причинам (множество внешних детерминант счастливой жизни), субъективным причинам (разнообразие критериев самооценки людей в терминах счастья) и в силу устойчивого стереотипа, что счастье зависит от индивида, а несчастье — зона внешних воздействий.

Библиографический список

1. *Абрамова М.А.* Визуальная репрезентация образа «счастье» как способ исследования социокультурного архетипа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1.
2. *Булкина Н.А.* О феномене счастья: обзор зарубежных и отечественных исследований // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 5.
3. *Вакарина Е.А.* Междисциплинарный подход к исследованию благополучия личности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. № 4.
4. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
5. *Владимирова А.В.* К репрезентации концепта «счастье» на материале русского устного народного творчества // Дорога знаний. 2022. № 3.

6. ВЦИОМ: Министерство счастья. 28.11.2023 // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ministerstvo-schastja>.
7. ВЦИОМ: Счастье в России. 18.04.2024 // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/schaste-v-rossii-monitoring-18042024>.
8. Ганин А.В. Георг Зиммель о проявлении и сдерживании эмоций // *Философская мысль*. 2024. № 1.
9. Горбашко Е.А. Мировые рейтинги социально-экономического развития: ретроспективный анализ, современные тенденции и перспективы // *Проблемы современной экономики*. 2018. № 2.
10. Гофман А.Б. Эмиль Дюркгейм в России: рецепция дюркгеймовской социологии в российской социальной мысли. М., 2001.
11. Джидарьян И.А. Психология счастья и оптимизма. М., 2013.
12. Долгов А.Ю. Понятие счастья в социальной теории: классические и современные подходы к концептуализации // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология*. 2020. № 3.
13. Дюркгейм Э. Моральное воспитание. М., 2021.
14. Ермоленко Д.А., Мехдиева Д.З. Осмысление философской категории счастья // *Форум молодых ученых*. 2019. № 1–1.
15. Зяблова Т.Е. Право на счастье и его содержание // *Вестник Владимирского юридического института*. 2018. № 2.
16. Качур Н.В. Эволюция социологической интерпретации счастья // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2013. № 4.
17. Киварина М.В. Концепт счастья как феномен современной социально-экономической реальности // *Социологический альманах: Материалы XI Орловских социологических чтений / Под общ. ред. П.А. Меркулова, Н.В. Проказиной. Вып. 12. Орел*, 2020.
18. Кислицына О.А. Подходы к измерению прогресса и качества жизни (благополучия) // *Экономический анализ: теория и практика*. 2016. № 10.
19. Коковин И.А. Международный индекс счастья как один из ключевых показателей развития государства // *Материалы XXI Всероссийского экономического форума молодых ученых и студентов*. М., 2018.
20. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002.
21. Лактаева Н.Е., Купцова И.В. Перспективы использования концепции экономики счастья в оценке социально-экономического развития макрорегиона // *Государственное управление*. 2023. № 101.
22. Лебон Г. Толпотворение // *Новое время*. 1998. № 3.
23. Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2020. № 1.
24. Львов С.В. Счастье — понятие философское, но оттого не становящееся эфемерным // *Социодиггер*. 2021. Т. 2. № 4.
25. Новоселова Е.Н. Интерпретация феномена счастья в социологии // *Социология*. 2017. № 2.
26. Петрова Л.А. Концептуализация счастья и радости в русской религиозной философии XIX — первой половины XX в // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2016. № 1.
27. Полюшкевич О.А. Социальное измерение счастья // *Социология*. 2022. № 2.
28. Попова С.А., Соловьева А.В., Половцева В.А., Данкина М.А., Копоть А.Д. Цивилизационные аспекты понятия «счастье» в категориальном аппарате исследователя // *Мировые цивилизации*. 2022. Т. 7. № 1.
29. Прохорова О.Н., Чекулай И.В. Проблема выражения концепта «счастье» в различных языках // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2006. № 8.

30. Рахманкулова Н.Ф. Можно ли измерить счастье? // *Философия и общество*. 2021. № 2.
31. Родионов-Зражевский А.Г. От эпохи валового внутреннего продукта к «экономике счастья» // *Проблемы современной экономики*. 2013. № 3.
32. Симонова О.А. Методологические и методические аспекты современной социологии эмоций (аналитический обзор) // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология*. 2016. № 4.
33. Скотт Дж. Благими намерениями государства: почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М., 2005.
34. Сухорукова Е.И. Сравнение представления о счастье в классической греческой философии с представлением о счастье в философии стоицизма // *Клио*. 2022. № 4.
35. Фрумкин К. Счастье вместо ВВП // *Свободная мысль*. 2011. № 5.
36. Фрумкин К.Г. Политическая экономия счастья. Футурологический этюд // *Знамя*. 2011. Т. 11.
37. Цибизова И.М. Мораль и религия: основание эволюционной и философской платформы // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия: Реферативный журнал*. 2021. № 1.
38. Чепурных М.Н. Индексы счастья: опыт Запада (социологический обзор) // *Теория и практика общественного развития*. 2012. № 9.
39. Чепурных М.Н. Теоретический анализ основных научных подходов к изучению феномена счастья // *Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение*. 2012. № 2.
40. Шматова Ю.Е., Морев М.В. Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2015. № 3.
41. Akabayashi A. The concept of happiness in oriental thought and its significance in clinical medicine // *Philosophy and Medicine* 1997. Vol. 54.
42. Busseri M.A., Sadava S.W. A review of the tripartite structure of subjective well-being: Implications for conceptualization, operationalization, analysis, and synthesis // *Personality and Social Psychology Review*. 2011. Vol. 15.
43. Chappell T. Eudaimonia, happiness, and the redemption of unhappiness // *Philosophical Topics*. 2013. Vol. 41. No. 1.
44. Diener E. Subjective well-being // *Psychological Bulletin*. 1984. Vol. 95. No. 3.
45. Diener E., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. The satisfaction with life scale // *Journal of Personality Assessment*. 1985. Vol. 49. No. 1.
46. Diener E., Oishi S., Lucas R.E. Personality, culture, and subjective well-being: Emotional and cognitive evaluations of life // *Annual Review of Psychology*. 2003. Vol. 54.
47. Diener E., Suh E.M., Lucas R., Smith H. Subjective well-being: three decades of progress // *Psychological Bulletin*. 1999. Vol. 125. No. 2.
48. Duncan G. What do we mean by “happiness”? The relevance of subjective wellbeing to social policy // *Social Policy Journal of New Zealand*. 2005. Vol. 25.
49. Easterlin R.A. Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence // *Nations and Households in Economic Growth*. New York, 1974.
50. Easterlin R.A., O'Connor K.J. The Easterlin Paradox // *IZA Institute of Labor Economics*. 2020. IZA DP No. 13923.
51. Esaiasson P., Dahlborg S., Kokkonen A. In pursuit of happiness: Life satisfaction drives political support // *European Journal of Political Research*. 2020. Vol. 59. No. 1.
52. Godbold N. Researching emotions in interactions: Seeing and analyzing live processes // *Emotion Review*. 2015. Vol. 7. No. 2.
53. Holmes M. Researching emotional reflexivity // *Emotion Review*. 2015. Vol. 7. No. 1.
54. Kahneman D., Krueger A.B. Developments in the measurement of subjective well-being // *Journal of Economic Perspectives*. 2006. Vol. 20. No. 1.

55. *Kuppens P.* The role of positive and negative emotions in life satisfaction judgment across nations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. Vol. 95. No. 1.
56. *Lyubomirsky S., Lepper H.S.* A measure of subjective happiness: Preliminary reliability and construct validation // *Social Indicators Research*. 1999. Vol. 46. No. 2.
57. *Taylor T.E.* The markers of wellbeing: A basis for a theory-neutral approach // *International Journal of Wellbeing*. 2015. Vol. 5. No. 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-780-796

EDN: AGIUI

Main components of the sociological study of happiness*

I.V. Trotsuk^{1,2}, A.E. Kaluga³

¹RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²National Research University Higher School of Economics,
Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia

³LLC Ipsos Comcon,
Krasnoselskaya Verkhnyaya St., 3–2, Moscow, 107140, Russia

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru; kalugasashar2324@gmail.com)

Abstract. The search for answers to the question of what happiness is and what is necessary for it began in ancient times, but there are still no unambiguous findings. Ancient philosophers proposed various concepts of happiness, linking it with virtue, absence of suffering or life in accordance with reason — today these ideas are still shared to some extent but considered insufficient for understanding and finding happiness. First surveys on happiness date back to the mid-20th century, when the concept of “subjective well-being” became a kind of “grassroot” analogue of a more ephemeral happiness, being a combination of life satisfaction with positive emotions. Gradually, a subject field of many sciences in the study of happiness developed, for instance, sociology focuses on social factors of happiness (support and trust), while economics — on the relationship between economic indicators and subjective well-being. Representative national and international studies of happiness are conducted by major sociological organizations worldwide. In Russia, such “measurements” aim at assessing the level of happiness in the context of general social well-being, including for a comparative international analysis, and at identifying factors influencing happiness and social well-being, including for public policy goals. In recent decades, the state has also shown concern about happiness, recognizing limitations of economic indicators alone and demonstrating a growing interest in less “quantitative” indicators of life quality. The article outlines the main components of sociological studies of happiness (search for its conceptual definition in an interdisciplinary context; features of its empirical interpretation and measurement; factors determining the level and “quality” of happiness) and some changes in their use and/or perception.

Key words: happiness; subjective well-being; social well-being; level of happiness; quality of life; conceptual definition; empirical interpretation; measurement techniques; factors and agents of happiness

*© I.V. Trotsuk, A.E. Kaluga, 2025

The article was submitted on 10.03.2025. The article was accepted on 17.06.2025.

For citation: Trotsuk I.V., Kaluga A.E. Main components of the sociological study of happiness. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (3): 780–796. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-780-796>

References

1. Abramova M.A. Vizualnaya reprezentatsiya obraza “schastye” kak sposob issledovaniya sotsiokulturnogo arkhetaipa [Visual representation of the image of “happiness” as a way to study the social-cultural archetype]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2020; 1. (In Russ.).
2. Bulkina N.A. O fenomene schastya: obzor zarubezhnyh i otechestvennyh issledovaniy [On the phenomenon of happiness: A review of foreign and Russian research]. *Mir Nauki. Pedagogika i Psikhologiya*. 2020; 5. (In Russ.).
3. Vakarina E.A. Mezhdistsiplinarny podkhod k issledovaniyu blagopoluchiya lichnosti [Interdisciplinary approach to the study of personal well-being]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*. 2023; 4. (In Russ.).
4. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow; 1990. (In Russ.).
5. Vladimirova A.V. K reprezentatsii kontsepta “schastye” na materiale russkogo ustnogo narodnogo tvorchestva [Representation of the concept of “happiness” based on the Russian oral folklore]. *Doroga Znaniy*. 2022; 3. (In Russ.).
6. WCIOM: Ministerstvo schastya [Ministry of Happiness]. 28.11.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ministerstvo-schastja>. (In Russ.).
7. WCIOM: Schastye v Rossii [Happiness in Russia]. 18.04.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/schaste-v-rossii-monitoring-18042024>. (In Russ.).
8. Ganin A.V. Georg Zimmel o proyavlenii i sderzhivanii emotsiy [Georg Simmel on manifestation and restraint of emotions]. *Filosofskaya Mysl*. 2024; 1. (In Russ.).
9. Gorbashko E.A. Mirovye reytingi sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya: retrospektivny analiz, sovremennye tendentsii i perspektivy [World rankings of social-economic development: A retrospective analysis, current trends and prospects]. *Problemy Sovremennoy Ekonomiki*. 2018; 2. (In Russ.).
10. Gofman A.B. *Emile Durkheim v Rossii: retseptsiya durkheimovskoy sotsiologii v rossiyskoy sotsialnoy mysli* [Emile Durkheim in Russia: Reception of Durkheimian Sociology in the Russian Social Thought]. Moscow; 2001. (In Russ.).
11. Dzhidaryan I.A. *Psikhologiya schastya i optimizma* [Psychology of Happiness and Optimism]. Moscow; 2013. (In Russ.).
12. Dolgov A.Yu. Ponyatie schastya v sotsialnoy teorii: klassicheskie i sovremennye podkhody k kontseptualizatsii [Concept of happiness in social theory: Classical and contemporary approaches to conceptualization]. *Sotsialnye i Gumanitarnye Nauki. Otechestvennaya i Zarubezhnaya Literatura. Seriya II: Sotsiologiya*. 2020; 3. (In Russ.).
13. Durkheim E. *Moralnoe vospitanie* [Moral Education]. Moscow; 2021. (In Russ.).
14. Ermolenko D.A., Mekhdieva D.Z. Osmyslenie filosofskoy kategorii schastya [Understanding the philosophical category of happiness]. *Forum Molodyh Uchenykh*. 2019; 1–1. (In Russ.).
15. Zyablova T.E. Pravo na schastye i ego sodержanie [The right to happiness and its content]. *Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta*. 2018; 2. (In Russ.).
16. Kachur N.V. Evolyutsiya sotsiologicheskoy interpretatsii schastya [Evolution of the sociological interpretation of happiness]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*. 2013; 4. (In Russ.).
17. Kivarina M.V. Kontsept schastya kak fenomen sovremennoy sotsialno-ekonomicheskoy realnosti [Concept of happiness as a phenomenon of contemporary social-economic reality]. *Sotsiologichesky almanah: Materialy XI Orlovskikh sotsiologicheskikh chteniy*. Pod obshch. red. P.A. Merkulova, N.V. Prokazinoy. Vyp. 12. Orel; 2020. (In Russ.).

18. Kislitsyna O.A. Podkhody k izmereniyu progressa i kachestva zhizni (blagopoluchiya) [Approaches to measuring progress and quality of life (well-being)]. *Ekonomichesky Analiz: Teoriya i Praktika*. 2016; 10. (In Russ.).
19. Kokovin I.A. Mezhdunarodny indeks schastya kak odin iz klyuchevykh pokazateley razvitiya gosudarstva [World Happiness Index as a key indicator of state development]. *Materialy XXI Vserossiyskogo ekonomicheskogo foruma molodykh uchennykh i studentov*. Moscow; 2018. (In Russ.).
20. Collins R. *Sotsiologiya filosofiy. Globalnaya teoriya intellektualnogo izmeneniya* [The Sociology of Philosophies A Global Theory of Intellectual Change]. Novosibirsk; 2002. (In Russ.).
21. Laktaeva N.E., Kuptsova I.V. Perspektivy ispolzovaniya kontseptsii ekonomiki schastya v otsenke sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya makroregiona [Prospects for the concept of the economy of happiness in the assessment of macroregional social-economic development]. *Gosudarstvennoe Upravlenie*. 2023; 101. (In Russ.).
22. Le Bon G. Tolpotvorenie [The crowd]. *Novoe Vremya*. 1998; 3. (In Russ.).
23. Leontyev D.A. Schastye i sub'ektivnoe blagopoluchie: k konstruirovaniyu ponyatiynogo polya [Happiness and subjective well-being: Developing a conceptual field]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskoe i Sotsialnye Peremeny*. 2020; 1. (In Russ.).
24. Lvov S.V. Schastye — ponyatie filosofskoe, no otogo ne stanovyashcheesya efemernym [Happiness is a philosophical concept, which does not make it ephemeral]. *SotsioDigger*. 2021; 2 (4). (In Russ.).
25. Novoselova E.N. Interpretatsiya fenomena schastya v sotsiologii [Interpretation of the phenomenon of happiness in sociology]. *Sotsiologiya*. 2017; 2. (In Russ.).
26. Petrova L.A. Kontseptualizatsiya schastya i radosti v russkoy religioznoy filosofii XIX — pervoy poloviny XX v. [Conceptualization of happiness and joy in the Russian religious philosophy of the 19th — first half of the 20th century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Filosofiya i Konfliktologiya*. 2016; 1. (In Russ.).
27. Polyushkevich O.A. Sotsialnoe izmerenie schastya [Social dimension of happiness]. *Sotsiologiya*. 2022; 2. (In Russ.).
28. Popova S.A., Solovyeva A.V., Polovtseva V.A., Dankina M.A., Kopot A.D. Tsivili-zatsionnye aspekty ponyatiya “schastye” v kategorialnom apparate issledovatelya [Civilizational aspects of the concept of “happiness” in the categorical apparatus of the researcher]. *Mirovye Tsivilizatsii*. 2022; 7 (1). (In Russ.).
29. Prokhorova O.N., Chekulay I.V. Problema vyrazheniya kontsepta “schastye” v razlichnykh yazykakh [The problem of expressing the concept of “happiness” in different languages]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika*. 2006; 8. (In Russ.).
30. Rakhmankulova N.F. Mozhno li izmerit schastye? [Is it possible to measure happiness?]. *Filosofiya i Obshchestvo*. 2021; 2. (In Russ.).
31. Rodionov-Zrazhevsky A.G. Ot epokhi valovogo vnutrennego produkta k “ekonomike schastya” [From the era of gross domestic product to the “economics of happiness”]. *Problemy Sovremennoy Ekonomiki*. 2013; 3. (In Russ.).
32. Simonova O.A. Metodologicheskie i metodicheskie aspekty sovremennoy sotsiologii emotsiy (analitichesky obzor) [Methodological aspects of the contemporary sociology of emotions (analytical review)]. *Sotsialnye i Gumanitarnye Nauki. Otechestvennaya i Zarubezhnaya Literatura. Seriya II: Sotsiologiya*. 2016; 4. (In Russ.).
33. Scott J. *Blagimi namereniyami gosudarstva: pochemu i kak provalivalis proekty uluchsheniya usloviy chelovecheskoy zhizni* [Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed]. Moscow; 2005. (In Russ.).
34. Sukhorukova E.I. Sravnenie predstavleniya o schastye v klassicheskoy grecheskoy filosofii s predstavleniem o schastye v filosofii stoitsizma [Comparison of the concept of happiness in the classical Greek philosophy with the concept of happiness in the philosophy of Stoicism]. *Clio*. 2022; 4. (In Russ.).

35. Frumkin K. Schastye vmesto VVP [Happiness instead of GDP]. *Svobodnaya Mysl*. 2011; 5. (In Russ.).
36. Frumkin K.G. Politicheskaya ekonomiya schastya. Futurologichesky etyud [Political economy of happiness. A futurological essay]. *Znamya*. 2011; 11. (In Russ.).
37. Tsbizova I.M. Moral i religiya: osnovanie evolyutsionnoy i filosofskoy platformy [Morality and religion: A basis of the evolutionary and philosophical platform]. *Sotsialnye i Gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i Zarubezhnaya Literatura. Seriya 3: Filosofiya*. 2021; 1. (In Russ.).
38. Chepurnykh M.N. Indeksy schastya: opyt Zapada (sotsiologichesky obzor) [Happiness indices: Western experience (sociological review)]. *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*. 2012; 9. (In Russ.).
39. Chepurnykh M.N. Teoretichesky analiz osnovnykh nauchnykh podkhodov k izucheniyu fenomena schastya [Theoretical analysis of the main scientific approaches to the study of the phenomenon of happiness]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*. 2012; 2. (In Russ.).
40. Shmatova Yu.E., Morev M.V. Izmerenie urovnya schastya: literaturny obzor rossiyskikh i zarubezhnykh issledovaniy [Measuring the level of happiness: A review of Russian and foreign studies]. *Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz*. 2015; 3. (In Russ.).
41. Akabayashi A. The concept of happiness in oriental thought and its significance in clinical medicine. *Philosophy and Medicine*. 1997; 54.
42. Busseri M.A., Sadava S.W. A review of the tripartite structure of subjective well-being: Implications for conceptualization, operationalization, analysis, and synthesis. *Personality and Social Psychology Review*. 2011; 15.
43. Chappell T. Eudaimonia, happiness, and the redemption of unhappiness. *Philosophical Topics*. 2013; 41 (1).
44. Diener E. Subjective well-being. *Psychological Bulletin*. 1984; 95 (3).
45. Diener E., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. The satisfaction with life scale. *Journal of Personality Assessment*. 1985; 49 (1).
46. Diener E., Oishi S., Lucas R.E. Personality, culture, and subjective well-being: Emotional and cognitive evaluations of life. *Annual Review of Psychology*. 2003; 54.
47. Diener E., Suh E.M., Lucas R., Smith H. Subjective well-being: three decades of progress. *Psychological Bulletin*. 1999; 125 (2).
48. Duncan G. What do we mean by “happiness”? The relevance of subjective wellbeing to social policy. *Social Policy Journal of New Zealand*. 2005; 25.
49. Easterlin R.A. Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence. *Nations and Households in Economic Growth*. New York; 1974.
50. Easterlin R.A., O'Connor K.J. *The Easterlin Paradox*. 2020. IZA DP No. 13923.
51. Esaiasson P., Dahlborg S., Kokkonen A. In pursuit of happiness: Life satisfaction drives political support. *European Journal of Political Research*. 2020; 59 (1).
52. Godbold N. Researching emotions in interactions: Seeing and analyzing live processes. *Emotion Review*. 2015; 7 (2).
53. Holmes M. Researching emotional reflexivity. *Emotion Review*. 2015; 7 (1).
54. Kahneman D., Krueger A.B. Developments in the measurement of subjective well-being. *Journal of Economic Perspectives*. 2006; 20 (1).
55. Kuppens P. The role of positive and negative emotions in life satisfaction judgment across nations. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008; 95 (1).
56. Lyubomirsky S., Lepper H.S. A measure of subjective happiness: Preliminary reliability and construct validation. *Social Indicators Research*. 1999; 46 (2).
57. Taylor T.E. The markers of wellbeing: A basis for a theory-neutral approach. *International Journal of Wellbeing*. 2015; 5 (2).